

Фонд поддержки
независимого книгоиздания
представляет:

Последняя среда

Стихотворения и комментарии

Москва
2011

УДК 821

ББК 84 2 (Рос=Рус) 6

Последняя среда. Стихотворения и комментарии. /М.: Э.РА, 2011. — 114 с.

Сборник стихотворений «Последняя среда» — одна из составляющих литературного проекта, инициаторами которого стали клуб «Последняя среда», оргкомитет премии «Живая литература», издательство «Э.РА» и литературный сайт Гуманитарного фонда «Подводная лодка».

Инициаторы проекта:

Литературный сайт «Подводная лодка»

<http://gufo.ru>

Издательство Э.РА

<http://www.era.izdat.ru>

Клуб «Последняя среда»

era-izdat@mail.ru

Оргкомитет Премии «Живая литература»

<http://lname.ucoz.ru/forum>

Составитель **Андрей Пустогаров**

© Авторы, см. Оглавление, 2011

© Издательство Э.РА, составление,
оформление, идея, 2011

ISBN 978-5-905016-84-4

Содержание

Предисловие	4
Николай Аферов	5
Сергей Долгов.....	10
Андрей Пустогаров.....	18
Михаил Ромм.....	34
Алла Шарапова.....	48
Эвелина Ракитская	65
Ольга Глухарева.....	79
Об авторах.....	85
Авторы отвечают.....	92
Михаил Ромм.	
О литературе живой и мертвой	106

Предисловие

«Последняя среда» — название московского литературного клуба, собрания которого проходят в последнюю среду каждого месяца. Из стихов, звучавших на его вечерах, сложился этот сборник.

Сборник стихотворений «Последняя среда» — одна из составляющих литературного проекта, инициаторами которого стали клуб «Последняя среда», оргкомитет премии «Живая литература», издательство «Э.РА» и литературный сайт Гуманитарного фонда «Подводная лодка».

Проект этот ставит своей целью преодолеть бессодержательность и клишированность, господствующие в современной русской литературе. Он направлен на создание альтернативной независимой среды, которая стимулирует появление произведений, обладающих содержательной новизной, способных доставить читателю эстетическое удовольствие и поддержать в нем надежду.

На фоне общего кризиса культуры (в том числе гуманитарных наук и естествознания) задача эта представляется инициаторам проекта более чем своевременной.

В качестве комментария к стихам добавлены ответы авторов на следующие вопросы:

1. Что, помимо простого желания опубликоваться, побудило Вас принять участие в этом сборнике?
2. Чем, на Ваш взгляд, этот сборник отличается от других изданий подобного рода?
3. Как Вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в русской литературе?

А также статья Михаила Ромма.

Николай Аферов

Эта одинокая река
Ни во что не ставит берега.
По весне ударится в разлив,
Лето — сохнет, мели оголив.

Средь суровой северной зимы,
Когда в ямы прячутся сомы,
Выползала темная вода
На простор заснеженного льда.

И никто не мог уверен быть,
Где в ней мера и откуда прыть.
Видел я ее издалека.
Так себе, обычная река...

Листопад — слова на ветер,
Не поймешь — не повторяют.
Лишь калитка скрипом петель
Ветру вторит все подряд.

Если в дом никто не ходит,
Он один ее поймет.
Он один ее заводит —
То отпустит, то прижмет...

За долгую снежную зиму
Три дворника в нашем дворе
Сорвали лопатами спину.
Последний пропал в январе.

Повсюду глубокие тропы,
И двор наш заснеженно-тих.
И кажется: это — окопы,
И дворники заняли их.

Дворник — это от Бога.
Дворик — это судьба.
Листопад — это много,
Снег — и вовсе труба.

Мы — всего лишь эстеты
В смене года времен,
По погоде одеты,
Нам не писан закон.

Под снежком улыбаться,
По листочкам гулять.
То, чем нам любоваться, —
Им еще убирать.

Говорят, здесь — злые бабы
И священник «голубой».
Мне ходить сюда пора бы,
Как к себе домой.

Обгрызая заусенцы,
В храме не плюют.
Христианские младенцы
Кровь Еврея пьют.

А еще кусками плоти
Заедают натошак.
Боже мой! Как вы живете!
Хорошо-то как!

Редкий случай — слушать дождь
В деревенском доме,
По дорогам не пройдешь,
Телевизор сломан.

Как зарядит дня на три
В стекла и по крыше,
От зари и до зари
Только он и слышен.

Когда еще по Волге пароходы
Колесные ходили — шлеп да шлеп,
И расклеванные штаны последней моды
Мели суглинок юрьевецких троп,

Когда на танцах пели под гитары,
И пары танцевали под оркестр, —
Работали приемы стеклотары,
И тут, и там полно укромных мест
Распить ноль семь, и фабрика гудела
На Первомай, — нарядные, с детьми
Спешили семьи к проходной, и пела
Людмила Зыкина в динамиках с семи:

«Издавека долго
Течет река Волга,
А мне — семнадцать лет...»

Уже тогда с ухмылкой туповатой
Я понимал — все кончится когда-то.
Все кончилось, и высохло весло.
И всем сполна — по первое число.

Сергей Долгов

Мне так легко начать
В классическом размере,
Зачем еще молчать
И повторять потери
Очередного дня,
Ни слова не храня?

Я начинаю снова,
За словом ставлю слово,
Ну, разом, словеса,
Тяните в небеса!
Но что-то не хотят,
Подбросил — не летят.

И только две строки,
Мешавшиеся прежде,
Не подают руки,
Но подают надежды.

Как долго копятя стихи,
Готовя голос к песне,
Они становятся легки
Почти уже на пенсии.

А там, как будто ни о чем,
Разбитые параличом,
И мудрость оказалась
Беспомощной, как старость.

Я уезжаю надолго
И по старинному чувству,
По ощущению долга
Я возвращаю искусству,
Может, и вправду не густо,
Может быть, самую малость
Вечно того же искусства,
Чтобы оно не кончалось.

Я уезжаю надолго,
Не ожидаю восторга,
Просто, на память строка
Родине издалека.

Не получилось умней —
Хочется жить изначальной,
Перед рассветом — светлей,
Перед закатом — печальней.

За пеленою туманов,
За чередою обманов,
За облаками — река
Пересекает века.

Может быть, там не найду,
Дважды, совсем выпадая.
Ни унижений в аду,
Ни богадельного рая.

Майе Карапетян

Держу в горсти, в ладошке
Сырой земли немножко,
Доверчиво растет
Ромашка и цветет
В руке, вот этой, верьте:
Нет абсолютной смерти.

Последняя среда

Пустогарову. Ромму. Ракитской

Слегка стихотворение
На сквозняке знобит:
Чужое измерение
В любой строке сквозит,

И как бы ни был занят,
Забит земной эфир,
Он постоянно нанят
В потусторонний мир.

Не спутник, не мобильный,
Не замогильный мир,
А путник и старинный,
Как у Платона, пир.

И круговая чаша
Пошла от губ к губам,
Как благодарность наша
Языческим богам.

Недолго и неспешно
И, слава Богу, грешно
Проходит жизнь страны,
В которой мы равны.

Не олигархи, крыши,
Разборки: чья, бля, выше,
Другая правит страсть:
Власть, чтобы честно красть.

Контрольный выстрел, и тогда
Невыспавшаяся звезда
Над ледяною веткой
Становится соседкой.

Неравенство умерших — вздор,
Отставить этот разговор.
Я не служил, и нет привычки
Делить на звезды и на лычки.

В январе звезды разного цвета,
Всех других удивительней эта,
Зеленеет звезда, и не страшно,
Даже если всегда безучастно,
Безучастно, почти без труда,
Ясно-ясно сияет звезда.
Пожелай мне, страна, доброй ночи,
Если прежде братва не замочит.

маме

Когда вовсю октябрь
Теряет чувство меры,
Мне протянули ямб,
Как яблоко от Евы.

И начал ворожить
И дорожить словами,
И стал иначе жить,
Сверяясь с небесами.

Стремясь, чтоб строчка под рукой
Плыла, как ива над рекой,
А если — ночка с месяцем,
Такая строчка светится.

И каждое словечко,
Как будто Богу свечка.
И рифма: мой трофей,
Отобранный у феи.

И то, что обожал
Единственно не зря,
Бесплатно, как пожар —
Вечерняя заря.

И неба синева
Вошла в стихотворение,
Даруя не слова,
Не славу — удивление.

Проклятье — не любить,
Как не писать стихи.
Я не сумею жить
Без этих двух стихий.

Когда бы вдруг смогли
Совпасть две лучших страсти,
Как в Вифлеем бы шли,
С дарами, видеть: счастье.

Мне хорошо на удивление,
Хотя всего, что есть у ночки:
Бесцеремонное храпение,
Сопровождающее строчки.

Ты нагло, безмятежно спишь.
Мне нравится... на самом деле.
Не потому, что ты храпишь,
А что храпишь в моей постели.

Не всякая рифма — в строку,
Не всякая жизнь дорога,
Не всякую мысль берегу —
Приблудная, издалика.

Такую нельзя любить,
С такой можно только пить,
Которая хуже отравы,
Которая вам — для расправы.

Такая славная луна,
Что я подумал — рассветает,
Какая странная страна,
За что любить? — никто не знает.

От вечной полулжи устав,
Дожив до хрупких вен бессилья,
Уйду, успев, пролепетав
Полуумершее — Россия.

Андрей Пустогаров

я родился в Вифлееме в пещере
по дороге в Египет
сколько веры
было в моем крике кашле и сипе

я терял в стружке деревянных
солдатиков
и глиняных птичек
ой мой край желтолицых лунатиков
лихорадок убийц истеричек

и в колосьях я ловил отголоски
рядом сроки второго Исхода
но я гладко любил строгать доски
и дожил до тридцать третьего года

и пришел человек из пустыни
говорил кто ест саранчу тот спасется
мне слышалось к Отцу иди сыне
я пошел и встретил женщину у колодца

и с места не смог сдвинуться как калека
пока в луже она мыла боты
и стал говорить суббота для человека
а не человек для субботы

у властей сдали нервы
я повис между двух алкоголиков
но с креста я взлетел первый
так что незачем было ломать голени

я спою сверху коляду
брате недужный
ни на кого не глядя
живи как тебе нужно

Марко спит под боком у верблюда.
Как верблюд, неровно дышит утро.
Пригоршни несет оно кому-то
изумрудов, яшмы, перламутра.

Марко снятся кручи да сугробы,
Марко бы поспал еще немного,
но зовет, как Лазаря из гроба,
голос ветра или голос Бога.

Чтобы в Генуе, когда синичка,
как бубенчик, отзовется трелью,
города вдруг вспомнить, женщин, стычки,
как мониста, бусы, ожерелья.

Глядя сквозь тюремные решетки,
причитать, что нас с тобой случайно
жизнь забыла в пальцах, будто четки,
Рустичано, брат мой Рустичано...

САМАРКАНД

я цеплялся за миг тормозя тобой Азия
я колючкою цвета расцарапал зрачок
я забыл по какую я сторону глаза
пыхнув в степь желто-синей горелкою газа
день истек

открываю шершавую дыню
эта мякоть как сладкий наркоз
ворох звезд зажужжит над пустыней
словно рой растревоженных ос

а когда горло улицы хриплой
захлебнется вдруг резкой луной
из-под вяза кудрявые хиппи
будто ангелы выйдут за мной

так акации крона жестка
возле дома из глины и мела
по земле шарит жилистой тени рука
подбирая закатную мелочь

с хриплой степи цвета сносит прочь
гонят мрака стада катят ветра колеса
черным медом течет самаркандская ночь
и в глаза звезды жалят как осы

«...Александрович Серов
в этом доме жил и умер».
Две картины помню: в шуме
синих пенистых валов
едет к морю Навсикая,
стирка будет ей большая,
ветер светел и суров.
Деву бык везет в пучину,
сновидением дельфина
прочь скользит от берегов
Навсикая иль другая...
Я иду себе, гуляю.
...Александрович Серов...

ВЕЛАСКЕС. УТРО

В.Чернявскому

С мамой ты идешь в Севилье где-то,
но петух сквозь сон тебе горланит

хрипло:

просыпайся и пиши портреты
всей семье Четвертого Филиппа.

Пляшут и поют твои собратья:
карлики, шуты, комедианты.
Ты кладешь по серой ткани платья
Маргарите розовые банты.

А в зрачки тебе пускает корни
цепкое безжалостное лето.
Что же ты, как скряга, пишешь в черном,
пьяный от несмешанного цвета?

Пьяному и море по колено,
пьяному границы все открыты...
Вот куплю билет, поеду в Вену
посмотреть инфанту Маргариту.

КРАСНЫЙ ШТРИХ ГОГЕНА

Повлажневшего воздуха свет —
синеватый, тугой, словно вена.
В этой желтой, и только, траве
вижу красные нити Гогена.

Это он свою ставит печать
на бурьяны, овраги и лозы,
научивший цвета различать.
Тонкий красный в глазу, как заноза...

На его красноватой траве
подгулявшие пляшут крестьяне
и такой занимается век,
от которого холодом тянет.

Красноногий привиделся аист
над сухой травой перелога,
и, с работы домой возвращаясь,
отчего-то я вспомнил Ван Гога.

По двору утром ездит железо,
я проснусь и пойду на работу.
Может быть, себе ухо отрезать?
Взять высокую желтую ноту.

ст. НОВОКУЗНЕЦКАЯ. ФРОЛОВ

Шатнется и лязгнет сквозной перегон
в подземных ходах под горами.
Шагнешь из вагона на терпкий перрон —
с прожилкой коричневой мрамор.

Подземная речка тебя понесет,
в мелькании джинсов и маек,
глаза ненароком подынешь на свод
и видишь там небо мозаик.

На это цветенье огромных щедрот
ты снизу глядишь в высоту:
там в небе лазурном летит самолет
и поезд бежит по мосту.

Внизу поездов непрерывен черед,
здесь хватит железа и так-то.
Но в небе чугун из ковша кто-о льет,
и с неба спускается трактор.

А девушек руки срывают плоды
зеленых полуденных яблонь,
и в ласковом свете лепечут сады
и думаешь — рай тебе явлен.

И ты под сияньем небесных даров
идешь в мельтешенье и шуме...
В блокаду их делал Фролов.
Он сделал и умер.

ДОРОЖНАЯ

Безъязыкие земли, глухая судьба,
ковыли, украины, россии...
Горький пот утираешь со лба,
долго поезд стоит у столба,
затяжных перегонов мессия.

Забивает зрачок неподвижная ширь,
степь да степь неподъемна для глаза.
Водокачка, забор, КПП и пустырь —
край родной, узнаю тебя сразу.

Но едва теплый солнечный прут
сдвинет туч запыленные шторы,
сразу жить соглашаешься тут,
сразу сердце несется, как скорый.

Свежий ветер во весь разворот
да лазури удавшийся отжиг —
и короткая радость цветет
на усталой одежде прохожих.

ВРОДЕ ЗАПОВІТА

прабабушка моя рожденная на Днестре
отдыхает в земле предгорий
я же когда умре
хочу видеть море

в каталонскую лег бы степь
сетками разгороженную
под прибою бас чаек рэп
оригинал тоже мне

ты думал что жить ты должен всегда
что добрый отец твой за облаками
но вот тебя настигает беда
и за тобой задвигают камень

и все разговоры про вечность обман
ты лишь передатчик курьер генокода
и ты обвисяешь как влажный туман
и в нем бредешь над свинцовыми водами

и ты заключаешь со смертью завет
пускай в глазах у ней коршуны кружат
но там за камнем движенье и свет
и ты берешь и выходишь наружу

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Вчера я пошел в театр.

Попросил сын —

надо поддержать молодых актеров.

Играли Булгакова: «Бег».

Актерам в лучшем случае

было по двадцать пять.

И характерность не заслоняла сути происходящего.

Пьеса выходила страшная.

Стоп! — сказал я.

— А сколько было генералу Слащеву, когда он сказал:
«Я сдаю Крым»?

Я посмотрел в справочнике — 35.

Стоп! — сказал я. — А сколько было твоему деду,
когда майором он окончил войну в Вене?

Я смог сосчитать и без справочника — 32.

Стоп! — сказал я. — А сколько тебе сейчас? — 47.

И ты не взял ни Вену, ни Будапешт,

ни Бухарест, ни Белград.

Тебе просто повезло.

Ты не отступал до Москвы.

Ты не носил часы

циферблатом на внутреннюю сторону запястья.

Ты не ехал рядом с водителем в грузовике
навстречу победе по осенней Румынии,
свесив из окошка руку.
Солнечный зайчик от стекла над циферблатом
не попадал в глаза снайперу.
Пуля не попадала в циферблат.
Циферблат не спасал кость
и осколок не застревал навсегда
у большого пальца.
Поэтому вглядывайся,
как мерцает этот подаренный тебе воздух
начала зимы,
как отражается от стекол —
автомобилей, витрин и окон —
солнечный свет,
а за ним по пятам уже гонится рябая свора сумерек.
Все впереди:
и сдача Крыма,
и золотая румынская осень.
Время сжимается
и солнечный зайчик,
путая сроки и судьбы,
скачет с плеча на плечо.

ИИСУС-ДАЛЬНОБОЙЩИК

Он проповедовал списанным грузовикам,
брошенным на старых автобазах.

Он забирался в кабины,
отжимал сцепление, включал передачу,
упирался лбом в руль и говорил:
«Скоро Отец ваш Небесный,
который создал вас по образу своему и подобию,
воскресит вас всех.

Он зальет в ваши баки евробензин,
поставит новый аккумулятор,
заменит шины и подвеску,
масло и тормозную жидкость.

Вы будете ехать по асфальтированной дороге
с разметкой и работающими фонарями
и ангелы будут указывать вам путь,
быстро вращая полосатыми жезлами.
Каждого ждет правильное, грамотное
техобслуживание
и вечная жизнь».

Однажды после дождя
его занесло на мокрой дороге,
и он врезался в дерево у автобусной остановки.

Вокруг лежали пустые поля.

Пришли крестьяне с соседнего хутора
и предложили вызвать скорую
или переночевать у них.

Он отказался.
Грузовик был не застрахован,
он взял его в долг
и почти ничего еще не выплатил.
Всю ночь, пытаясь исправить ситуацию,
он с фонарем лежал под грузовиком,
копаясь в его черных, истекающих маслом
внутренностях.
Утром они опять пришли,
но он уже был мертв,
лежа на спине во тьме под грузовиком.
Крестьяне решили похоронить его за свой счет.
На отпевании священник говорил:
«Ты идешь к Отцу своему Небесному,
который создал тебя по образу своему и подобию.
Он выплатит все твои кредиты,
отдаст все твои долги,
сделает счастливыми всех,
кого ты обещал сделать счастливыми,
и доставит по назначению все твои грузы.
А мы разберем твой грузовик на детали,
продадим их местным автослесарям
и поставим за тебя свечки.
И они осветят тебе дорогу на небеса».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

пиши о том что волнует
волнуют следы аварий
на бортах автомобилей
волнуют девушки
стоящие вдоль дороги
особенно красивые
думаешь старику на небесах
стоило бы устроить все
немного по-другому
волнует поэзия
поэзия — это сгустки энергии
передаваемые от тела к телу
это стремное дело
с непредсказуемым исходом
чем дольше живешь
тем меньше тебя понимают
но самое интересное
делаешь в одиночку
или вдвоем
ты и я

Михаил Ромм

МОИ ДРУЗЬЯ

Мои друзья почти богоподобны.
Соревноваться с ними? Да куда мне!
Один — под камнем в подмосковной Лобне,
Другой лежит в Малаховке под камнем.

А Тимофеев жарится в Айове,
Лямпорт за жизнь сражается в Нью-Йорке,
И я один. Серdito хмурю брови,
Сижу в Москве, как голубь на помойке.

К чему я это? Мне ворчать не надо —
Меня пока не выбросили в урну.
Вон, Петя Берлянд — на «Каховской». Рядом,
А словно на каком-нибудь Сатурне.

Разводит жизнь, когда выводит в люди,
Довольно насмеялись, нашумелись!
Друзья мои как птицы разлетелись.
Других уже, наверное, не будет.

С нашей встречи, друг дорогой,
Пролетело немало лет.
Мы по-прежнему вместе с тобой —
Затянулся наш тет-а-тет.

Сколько прожито слез и мук
И растрчено сил!
Но как будто вчера, мой друг,
Я тебя полюбил.

Помнишь темные вечера?
Платье легкое, тихий двор?
Словно мы обнялись вчера
И целуемся до сих пор.

ПИНГ-ПОНГ В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Белый шарик

скок-скок, —

Два спортивных подростка

Забывчиво, долго и хлестко

Направляют его.

Щелк.

Щелк.

В тишине под соснами, вечером, и

Может быть, с их вершин опускается сумрак и все

Очертанья теряет свои.

Мир закручивает и несет.

Белый шарик все еще виден.

Белый шарик: скок-скок.

Солнечный луч заблудился в стекле, и
Бьются в кристалле, трепещут случайные блики,
«Раннее утро» пылает у Пауля Клее,
Алым пылает навстречу мазок земляники.

В матовом полдне манящий и сочный мазок,
Что еще нужно, и мы примириться смогли бы:
Куполом белым на сонной воде поплавок,
А в глубине улыбаются хитрые рыбы.

Боль всегда рядом, она, как и счастье, сынок,
Рядом всегда, не грусти о подружке пропащей,
Это для нас расставанья предметный урок,
Прежде, чем нам навсегда раствориться
в лазоревой чаше.

СУСАННА И СТАРЦЫ

Краснеют, молодея, старики,
Она застыла между них невинно,
И падает из розовой руки,
Оранжевое солнце мандарина.

Его встречает гордая ступень,
А он летит над ней неудержимо,
И вслед за ним летит живая тень,
Веревочкой привязана незримой.

Они хотят покинуть полотно,
Они спешат, как будто их догонят,
Вдруг разорвав условное окно.
И падают в открытые ладони.

На улице сугробы намело,
Там холодом клубится вьюга злая,
Здесь — в полумраке мандарин сияет,
Еще храня руки ее тепло.

МАРАТ БАБИН

Хочу вам рассказать о скульптуре знакомом,
Здоровался я с ним — он нехотя кивал.
Чудной смешной старик, почти что невесомый,
Как Диоген, огнем меня он освещал.

Он меру нес в себе, не вписываясь в норму,
Жизнь красоте отдав, пожертвовав собой,
Пространство укротить, придав пространству форму,
И был, как глина смят, и вот обрел покой.

Последний солнца луч согреет постаменты
В пустынной мастерской. И что их завтра ждет?
Страна разорена — зачем ей монументы!
В музеях места нет, а жизнь идет вперед.

Причудливо стоят застывшие скульптуры
Творец ушел, ушел, не дав им имена,
Но силою полны — не горбятся фигуры,
Их не страшит огонь, и смерть им не страшна.

Что ж, толку в этом нет, пожмет плечами кто-то,
Он делал только то, что нравилось ему, —
И мы, его забыв, уйдем в свои заботы,
И сядет солнце вновь, впуская в город тьму.

ЭЛЕКТРИК

Заскорузлыми пальцами мнет проводки,
Не спеша починает проводку.
Развлеченья его коротки —
Телевизор под вечер и водка.

Но движенья скупы и точны
Укротителя бешеных молний,
Электроны в него влюблены,
И контакты дыханием полны.

И когда раз двенадцать подряд
Подмастерью талдычит науку,
Подзатыльники просят в руку,
А глаза вдохновенно горят.

ПРОГУЛКА ПО БРОННОЙ

Прогуляемся по Бронной
Между «фордов» и «тойот»,
Где тусуется бессонный
Пестрый праздничный народ.

Супермаркеты волшебны,
Как восточные дворцы,
В них становятся целебны
Гамбургер и леденцы.

Здесь дымятся жирным паром
Кафетериев угли,
И повсюду стеклотара
Тех, что внутрь не вошли.

Дама в модном туалете,
С ней мажорный джентльмен,
Раб в строительном жилете,
Замер между серых стен,
Бритый кент
С блондинкой рядом,
Толстый мент с опасным взглядом,
Но беспечных нету глаз,
Каждый что-то ищет в нас.

Жаждет радостных событий,
Ждет, что станет хорошо.
Но желаний исполнитель
Почему-то не пришел.

А вверху на сложной раме,
Из железного говна,
Две луны, одна — с рекламой,
А другая — так... Луна.

ЛЮДИ-ЛЬВЫ. САМОУБИЙЦА

Люди, львы, орлы и куропатки...
А.П.Чехов. Чайка

Люди-львы и люди-куропатки,
Кошколюди и собаколюди
В хаосе, вернее, в беспорядке.
Мечутся — горошины на блюде.

Мышеглазки или глазомышки,
Мышелюди с ангельским мечом,
Прогрызают жизнь до кочерыжки,
Бьют под дых спартаковским мячом.

Шароосень в желтизне каштанов
Разноцветный дом для черных птиц.
Почему в метро так много пьяных
Грустно дремлют тряпочками лиц?

Люди в форме, люди при погонах
Думают, как шизика достать,
И торчит мешком из-под вагона,
Тот, кому на все теперь плевать.

МАНДЕЛЬШТАМ

Уже ничего, ничего ты поделать не мог,
Тот век-волкодав, что хватал тебя жадною пастью.
Слова разлетелись, как птицы, над сетью дорог,
Как вестники света, как вестники юного счастья.

А век все трепал тебя в «чистых» руках палачей,
Уже понимая в тоске, что и пытки напрасны —
В могучий поток превратился звенящий ручей,
Над этим отныне ни кесарь, ни время не властны.

Каким бы нелепым и жалким ты ни был в конце,
Моля о пощаде того, кто не дарит прошенья.
Все это не важно — не помнят стихи о творце,
Свободен их голос, исполнено предназначенье.

Письмо Бродскому

Уже не сиквелы, а в квадРиклы
Освещают с экранов столетье наше,
Наш общественный строй не понять Периклу,
Он настолько стабилен, что даже страшен.

Так легко скептицизм узнаваем в ритме,
А писать ни о чем превратилось в принцип.
У нас Шилов — художник, певица — Бритни,
Но все так же нюра грустит о принце.

Не хватает пищи и территорий,
И ничтожность рядом, с гореньем духа.
Все мы бродим между чужих историй,
Для своих — нигде не находим слуха.

Я пишу тебе, дорогой мой Бродский,
Почему бы и нет, раз никто не слышит
В Новополице или в Петрозаводске,
Ни в Москве, ни в Кинешме, ни в Париже...

Люблю амфибрахий трехстопный,
Им часто Некрасов писал
И Козя Прутков бесподобный,
Такой в нем огонь и накал.

И столько в нем бодрого смысла,
Так гладко ложатся в него
Глаголы и разные числа,
Предлоги и много чего!

Двенадцать, тринадцать, семнадцать,
Одиннадцать, семьдесят семь,
И десять в нем, и восемнадцать,
И даже сто семьдесят семь.

Все сразу кипит и искрится,
И можно писать ни о чем,
Но вовремя остановиться —
Вот самое трудное в нем.

Четыре птицы

Четыре странные птицы,
Поют в ночи для меня,
У трех из них женские лица,
Четвертая из огня.

Одна мне поет про радость
Всего, что дано сполна,
Про горечь жизни и сладость,
И песня ее грустна.

Тихо поет вторая,
Что совесть моя больна,
Что гибель мой мир ожидает,
И песня ее грустна.

Третья поет сердечно,
О том, что сулит весна,
О том, что любовь не вечна,
И песня ее грустна.

Четвертая исчезает,
Сгорает и восстает,
Надежда не умирает,
И радостна песнь ее.

Алла Шарапова

Я ему родниковую воду дала,
Обметя припорошенный сруб.
Я звезды незнакомой названье прочла
С чуть припухлых, обветренных губ.

И теперь вот все люди завидуют нам,
А не знаю, какого рожна!
Вон в колодце вода — я любому подам,
Он вам скажет всех звезд имена.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Я тебя рисовал на растресканных спинах камней,
Я писал твое имя на кромке земного пути —
Я тебя предавал всей открытостью сути моей,
Но тебя я не знал, и поэтому ты мне прости.

Я любила тебя с каждым днем все сильнее,
Но мне воля была дорога,
И когда ты сказал: стань рабою моею,
Я отвергла тебя как врага.
А могла бы весь мир обойти за тобой,
Но завистлива жизнь и груба,
И за то, что тебе я не стала рабою,
Всему миру теперь я раба:
Буду мучить, ласкать, пеленать, хоронить
Не своих, не своих, не своих...
А какие могли меня сны осенить
На коленях высоких твоих...

ХЕРУВИМСКАЯ ПОЗДНЕЙ ВЕСНЫ

Херувимская поздней весны —
Где я слышала эти слова?
Чем вы, дни мои, были полны?
Неужели была я жива?

Даже сердце смерзалось, как лед,
Бой часов проникал даже в сны...
Так за что же Всевышний мне шлет
Херувимскую поздней весны?

Но позволь Ты мне радость, позволь!
Не верти больше жизни вверх дном,
Замени четверговую соль
Образованной тайны вином...

Не о том бы молить и мечтать!
Сколько бросило к небу лицом...
Дай с молитвой к Тебе предстоять,
Чтоб не умер никто подлецом.

Вот уже побеждается мгла,
Каждый камень поет у стены,
И вселенную всю обняла
Херувимская поздней весны.

ГОРОДСКИЕ ЛЬВЫ

Вы помните? Завтра
Без четверти в два,
На бывшей Мясницкой
У старого льва.

Подальше Почтамта,
На спуске крутом,
У каменной арки,
Где лев под щитом.

Я, право, забыла,
Откуда он взят,
И сколько то было
Столетий назад.

Иронией странной
Прищурился взор,
Как будто прочел он
Себе приговор

И зная, что тысячи
Бедствий и смут,
Прыжков и метаний
Его не спасут,

Он принял решение,
Замолк и застыл
Во всем напряженье
Божественных сил.

Когорта машин
У Почтамта трещит —
И каменный лев
Выставляет свой щит.

Осыпана снегом
Его голова...
Я в Эрфурте знала
Такого же льва.

Я видела странный,
Изысканный Львов
Под властью таких же
Смеющихся львов.

Вкруг Черного моря,
Вдоль желтой Невы
Застыли на страже
Гранитные львы.

Хоть редкая сила
Бывает святой,
Мечта наделила
Тех львов добротой.

И заняли мир
Простодушные львы,
И львиную долю
Московской любви

Забрал у меня
Этот каменный дом
На Кирова, в арке,
Где лев под щитом.

СТАНЦИЯ МЕТРО «ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ»

На станции «Спартанская» — парад.
Восстань Ликург — дивился бы такому.
Он руки бы сжимал им всем подряд,
Повстанцу, партизанке, военкому.

Задумчивый аркадский комбайнер.
Над глобусом головки двух отличниц,
И школьник, в клубе ладящий планер,
И собранность в чертах доярок, птичниц,

И юный Геркулес — литой бутуз,
Стоящий смело на плече спартанки,
Концертных блеск и театральных муз,
Солдат штыки, локомотивы, танки,

И вслушивание это в шелест роц,
И небоскребы, МАЗы, АНЫ, ЗИЛы,
Любовь к преданьям и прогресса мощь —
Все в этом было правдой — кроме силы.

Поскольку будь и впрямь они сильны
И мудры так, как скульптору мечталось,
Они бы выправили путь страны,
И с ней не стало бы того, что сталося...

СЕРПУХОВСКИЙ ВАЛ

Тихий мокрый бульвар упирался в шумливый базар,
Где искали минуту спасенья от жара и пыла...
Там гуляли солдатики из Чернышевских казарм
С выпускницами школ. Боже правый, когда это было!

В лето раз по пятнадцать бульвар заливало дождем,
Здесь, по слову топографа, низкий участок столицы —
За базаром все «аннушки» сразу вставали гуртом,
Брали «лодочки» в руки и шли босиком выпускницы.

Здесь недавно совсем проживал благородный старик,
Все из тех, что сидят ни за что и едят как попало.
Как-то раз, зачитавшись, случайно он вызнал из книг,
Что болезнь его «та» и что дело, наверно, пропало.

Я в подкисшие сливки крошила ему шоколад,
Приносила бeze из Столешников в белой коробке,
Только сладкой едой зажигал он потухнувший взгляд
И подбадривал голос, уже монотонный и робкий.

Он со мной говорил, он любил, повествуя, листать
Своих изгнанных предков альбомы в часы облегченья.
Честь по чести, за «новых» решился он голос отдать,
Но уже не слышал патриаршего благословенья.

И, ладони крест накрест, лежал он напротив стены
С куполами Епархии в длинном окне запыленном...
Те девчонки не бегают в туфельках — ноги больны,
А солдатиков пораскидало в пространстве зеленом.

Я их всех помянула, склоняясь над тем стариком,
Занавесила зеркало и в ненасытной печали
Под дождем по сырому бульвару пошла босиком,
И над Свято-Даниловым колокола прозвучали.

ВАСИЛИЙ СТАЛИН МЛАДШИЙ
VASILYE STALIN, JUN.¹

Внук Сталина. «Сын Альбиона».
Маккартни крутил до зари.
В хрущевском изгнании — бонна.
По русской словесности — три.

Без карточки, в тесной ограде
Лежишь ты, погибший юнцом,
Под боком у бабушки Нади
И к Софье-царевне лицом.

Не больно тебе и не сладко,
Что помнит тебя до сих пор
Стихов, тебе чуждых, фанатка
И твой преферансный партнер.

Да, как же! Финал вдохновенный
(Хичкок, Бонюэль и Кокто) —
С Грузинской дороги военной
Летающее в пропасть авто.

¹ Василий, внук Сталина и Тимошенко, верховодил в конце шестидесятых поклонниками ливерпульской четверки, был вообще англоман, за что получил прозвище «сын Альбиона». Погиб 23 лет при загадочных обстоятельствах.

Шайтан ли подвиг на такое
Иль деды — грузин и казак?..
Ты весь был — мольба о покое,
Тебя тяготил и рюкзак.

Не взял ни отцовской отваги,
Ни дедовской страсти к делам —
Лишь «битлов» камлание в маге
И вечный в зубах чунингам.

Лишь, может быть, что-то от власти,
Когда, до рассвета засева,
На чистом английском все масти
Ты нам выкликал нараспев.

Да песни... В них надо влюбиться,
А помнить — уже ерунда.
Могла в Окуджаве я сбиться,
Но в Ленноне ты никогда.

В кафе, на площадках, в палатках
Терять мне случилось не раз
Стихи мои в тонких тетрадках —
Ты, помню, одну из них спас.

— Вот, выбрал из мусорной кучи,
Спасибо скажи, что нашлась.
Hell damn эти ямы и кручи,
И весь ваш восепетый Кавказ!

Но где загадалось о чести,
Там горы надежней, чем ствол.
Ты с громкой фамилией вместе
С земли свою юность увел.

Ты в русской земле похоронен,
А если бы смог пренебречь,
То Сталин, как Дарвин и Кронин,
Легло б на британскую речь.

Обласканный в память о Кобе,
Изведал бы гладь ты и тишь —
Пил «бейлис» бы в лондонском клобе,
И Леннона спас бы, глядишь.

Но не захотело приказа
Ослушаться сердце в груди.
Ты все-таки сын был Кавказа...
И внук их — как там ни крути...

Уже остался за горою
Тот край, исхоженный зарею
До корабельной глубины:
И Юрьев снежно-васильковый,
И мой Подолец родниковый,
И Шордыги грибные сны...

Застыли по соседству трубы.
Олимпиады, Веры, Любы —
Моих соседок милых нет...
И ты, единственный читатель,
Колхоза бывший председатель —
Бывало, приходил чуть свет

С бидоном молока от Зорьки:
— Ну, что там Ибсен, Чехов, Горький?
Еще их любит кто-нибудь?
А, чай, до всяких перестроек
Я в Щукинский сдавал без троек,
Да, видно, был заказан путь.

— Вот не пойму я Пера Гюнта,
Ведь начал молодчагой, с бунта,
А кончил... Почему?
Тригорин причинил три горя,
Но не уехал за три моря,
Поэтому простим ему...

— Все мнил, я тут большая шишка,
И к Богу не пришел я, вишь-ка,
Все думалось — потом, постом...
Вчера я на погост ходила.
Ухожена его могила.
И чайка в небе над крестом.

ТЕКИ ЗА ИОРДАН

- *Что делать мне? — Покайся и смирись.*
- *Что делать мне? — Поболее раздай.*
- *Что делать мне? — Теки за Иордан.*

И скажет Бог: «За Иордан теки!»
Все реки — именем одной реки.

И сеятель ты или капитан,
Удел твой — Вера или мастерство,
Своим путем теки за Иордан,
Для одного отвергнувшись всего.

Еще волнуют голоса услад,
Звучат в сознание флейты и тимпан, —
Но над тобой шумит свободы сад,
И телу влагу дарит Иордан.

Как из руки плохих редакторов,
В ужасном виде бытия роман,
И слезы хлынули. Но шепчет кровь:
«Оставь как есть. Теки за Иордан».

Ты повстречаешь тысячи препон,
Не убоись, входя во вражий стан.
И, даже уходя за Флегетон,
Ты все равно течешь за Иордан.

ЛАЗАРЕВА СУББОТА

Сирый рынок пахнет нището́й,
Свежей рыбкой, миновавшим горем, —
Но сцепились ветки с высотой,
Как апостольские мрежи с морем.

Поспевай, трудись, больных лечи,
Если может вылечить venopa.
Дочитают за тебя грачи
Строчки покаянного канона.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ВРАЧУ

Вы впрыскивали сальварсан
И ампутировали ноги,
И много обвязали ран —
И заблудились на дороге.

Однако выбрались с трудом,
И дьякон вам сказал с прихода:
«Вон там одной москвички дом —
Не ездит к нам уж больше года».

Сыскались в алтаре ключи —
Врачи не просто же скитальцы,
И кипятком своей мочи
Отогреваете вы пальцы.

За двести верст — руковожу:
«Свечу сюда — на подоконник,
Где морфий, я вам не скажу,
А спички на печи, где коник...

И там еще поленьев пять
Остались с моего отбытья,
А водка — гляньте под кровать,
Одна не приучилась пить я...»

Уже и дьякон к вам идет,
А ну, псалом пятидесятый!
И выпьем за грядущий год —
За год две тысячи десятый!..

Сто лет прошло... А путь один —
Навстречу ранам и невздам
От юности и до седин!
Но с Новым годом... С Новым годом!..

Эвелина Ракитская

Я не люблю эпитетов-клещей:
всех яблок и камней, зимы и лета....
Я создана из тени и из света —
а вовсе не из слов или вещей...

Всех этих «глин», «песков», «морей» и «рек»,
дождя, хамсина, снега, листопада, —
не надо мне, не надо мне, не надо! —
Мои стихи писал не человек.

Мои стихи писались без меня.
И потому в них нет обычной кожи.
Они на скалы голые похожи,

Да, я люблю ПОЭТОВ, ну и что же? —
ПОЭТЫ есть, но их стихи — фигня...

В словах вообще большого смысла нет.
Слова — они всего лишь компромиссы.
А я хочу пробраться за кулисы,
пройти насквозь, увидеть ваш скелет...

Там, за бумагой, есть иная суть
у слов любимых.... вот-вот, еще полшага —
и я уйду в пространство за бумагой,
и не смогу найти обратный путь.

Это было в далекие годы.
Жил на свете один человек.
Он рассказывал в лекциях что-то
про запретный Серебряный век.

Был он даже доцент, не профессор,
но девицы сходили с ума!
Прибавляла к нему интереса
эмигрантская тема сама.

Ходасевич, в чердачной трущобе
свой последний увидевший час...
Романтично... трагично... еще бы!
(Но пока не касается нас.)

Или Бунин с одним чемоданом,
или мало ли кто там потом...
Адамович... Георгий Иванов...
тишина под парижским мостом.

Говори же, Смирнов, говори же!
(все его называли В. П.) —
мы, конечно, умрем не в Париже,
это все не о нашей судьбе!

Нам под Ваши высокие бредни
о России трагических дней
сладко спится за партией последней —
в самом сердце державы своей.

...Мы умрем и в Париже, и в Ницце,
в Тель-Авиве, в Нью-Йорке, везде...
это прочное слово «граница» —
не прочней, чем круги на воде.

Это цепкое слово — «держава» —
разлетится салютом во прах.
Это слово летучее — «слава» —
приземлится синицей в руках.

Сладко спится под говор Смирнова,
под его вдохновенную речь!
(Но высокое русское слово
никого не сумеет сберечь.

Но высокая русская проза
и поэзии белая кость
обернутся безумною позой,
превратятся в чернильную злость...)

...Говори же, В.П., говори же,
говори нам о самом святом.
...В тель-авивской коморке под крышей
я тебя через годы услышу.
И неважно, что будет потом.

Был Пушкин весельчак и легок на помине
и не держал в руках он собственной судьбы.
А Тютчев был педант, подверженный гордыне,
и он вставлял везде сравнения — «как бы»...

Не «как бы», а «как бы». Подобных откровений
не стерпит интернет, но это не беда.
(Кто слышит, тот поймет, — а ставить ударений
сама в своих стихах не буду никогда).

Сравнение «как бы» прошло потом сквозь годы —
его употреблял почти любой поэт.
И был у них талант, но не было свободы,
и не постиг никто немислимый секрет.

Талант дарует черт, а Бог дарует гений —
прозрачный, как вода, бессмысленный, как смех,
не ставящий в стихах значочков ударений,
не ценящий ни слов, ни рифм и ни сравнений,
не ясный никому, но на устах у всех...

Он так и входит в мир — как человек случайный,
нечаянно не ту калитку приоткрыв.
Был на устах у всех, но оставался тайной,
и умер, и умолк (а Тютчев вечно жив)...

(Когда была бы я лите-рату-роведом,
я б написала труд про гений и талант.
И мой огромный труд, и мой научный метод
по праву б оценил какой-нибудь педант.)

Но умерли они — кто знал, что это важно
(не удержав в руках груз собственной судьбы) —
про гений, про талант, про то, что жить
не страшно,
и про большую роль сравнения «как бы»...

О МУЗЕ

По парку какому-то, в осень,
надвинув суконный берет,
а может — у моря, меж сосен,
гуляет хороший поэт.

Он смотрит, как жаркое солнце
к закату летит меж стволов, —
допустим, Владимир Чухонцев,
а может — Олег Соколов.

Он видит, как это прекрасно:
такой удивительный цвет —
ну прямо ликер ананасный,
точнее сравнения нет!

И вот он идет по дороге,
неспешно идет, налегке,
и стих свой продуманно строгий
уже ощущает в руке.

Он чувствует тяжесть в ладони,
приятно теплеет рука,
и рифмы, как сытые кони,
готовы и ждут седока.

Огладит он каждое слово,
прочувствует каждый свой шаг —
и стих выйдет мастерский, словно
безгвоздная церковь в Кижях.

Классический стих, и при этом
и смел он, и честен, и нов
(О!!! Я восхищаюсь поэтом,
слагающим чудо из слов), —

но если к такому поэту,
случайно замедлив полет,
сияя бессовестным светом,
великая муза сойдет,

то — стоит крылом поднебесным
взмахнуть этой музе над ним —
и был он поэтом известным,
а станет безумцем немым...

...Слова, что она мне шепнула,
пропали, не знаю куда.
Лишь помню, как сталью блеснула
в закрытые окна беда.

Лишь помню, как ветер неожиданный
Однажды ворвался в мой дом,
И как серебрился обманный
Холодный огонь за окном...

...Глаза заслоняя от света,
в далеком небесном краю
с тех пор я ищу, как ответа,
пропавшую музу мою.

Лишь только знакомые звуки
чуть слышно меня позовут —
и выронят слабые руки
чудесный словесный сосуд...

И мукой великою станет
поэзия черной земли,
лишь только та муза поманит
и музыкой стихнет вдали...

...И музыка эта прощальна,
и музыка эта проста,
и в ней открывается тайна,
великая, как пустота...

*«Ты лжешь себе еще об участи иной...»
Игорь Меламед*

Постареет поэт Бонифаций¹.
Шарф — по-детски, но что-то в глазах...
Он боится всех организаций.
У него поэтический страх.

Он стихи на помойку не носит —
сортирует, слагает в тома.
Он и денег у вас не попросит.
Голодает. Видала сама.

Он так правилен, словно учился,
как в посмертную славу войти.
Он поэт. У него получился
этот образ — «от двух до пяти»...

Он корректен во всем до предела
и не делает зря ничего.
Если б было какое-то дело
хоть кому-то до жизни его!

Но, играя упорно и долго,
он уже не изменит себе.
Мне б такое иметь чувство долга,
принцип жизни и волю к судьбе...

¹ Бонифаций — псевдоним поэта Германа Лукомникова

Но поэта никак не выходит
из меня. Не выходит! И вот
Бонифаций ко мне не заходит,
хоть со мной по соседству живет.

Не заходит ко мне Бонифаций —
видно, разные взгляды у нас.
Он любитель каких-то новаций,
я ж — скорее любитель оаций,
и притом — не потом, а сейчас.

Постареть неизвестным поэтом —
в мире нету страшнее греха.
Бонифаций не знает об этом,
а вернее — не думал пока...

Он стихи сортирует по полкам,
как Стаханов — на вахте стоит...
Он поэт. Он все делает с толком.
У него поэтический вид.

Я ж — писать не хочу и не буду!
Для чего мне терновый венец?
Я в Сбербанке оформила ссуду,
я куплю дорогую посуду,
чтоб красиво пожить наконец!

Потому что нет сил притворяться
и терпеть нестерпимую боль...
Потому что не стоит рождаться,
чтоб потом над собой издеваться,
даже выбрав прекрасную роль...

Чтобы жить в добровольном ГУЛАГе,
в аллергенной бумажной пыли...
Для чего? Чтоб чужие деяги
там, в грядущем, — все эти бумаги
за бесценок спихнули в ЦГАЛИ?

Чтоб какое-то гнусное рыло
(аспирант института ИМЛИ)
диссертаций гору настрочило
про стихи дорогие мои?

Чтоб какая-то гнусная рожа
получила бы кучу зарплат?..
Нет уж, вряд ли...
Я все уничтожу.
Бонифаций такого не сможет:
он уверен — стихи не горят...

Дмитрию Баку, литературоведу

Чашка кофе, ломтик хлеба,
нищета со всех сторон.
Для чего ж
я слышу с неба
то ли ветер, то ли звон?

Я ж совсем асоциальна —
лишь писательский билет...
Я почти нематерьяльна.
Нет меня на свете, нет.

Я и жизни-то не знаю
к тридцати восьми годам
и все время забываю,
где родился Мандельштам...

Среди суетного света
не имею я друзей
и в колонку в Литгазету
не пишу своих статей...

И не то что от гордыни,
просто лень — моя беда, —
ни в Харбине, ни в Берлине
я не буду никогда...

(И не то что денег мало,
а подумаешь — на кой
ехать мне куда попало?
Пользы в этом никакой...)

Для чего ж таким убогим,
не добытым кирпичом,
с неба Бог диктует строки,
не подумав ни о чем?

Ведь никто меня не вспомнит,
не похвалит, не издаст...
Антибукера никто мне
да и букера не даст...

Пропадут мои скрижали,
бесполезные — умрут.
Лучше б это написали
те, кто правильно живут.

Кто всегда мечтал явиться,
правду людям возвестить,
из провинции столицу
кто приехал поразить...

Кто боролся, добивался,
пробивался из низов,
а не глупо улыбался,
наломав по жизни дров!

Я ж рифмую все глаголы,
ассонанс и диссонанс.
Я вообще ушла из школы,
не зайдя в десятый класс.

Я вообще не понимаю,
где Моне, а где Дега.
Я давно уже хромаю —
у меня болит нога.

Дуракам закон не писан.
Мне и горе — не беда.
Я хорошая актриса,
если надо иногда.

Я веду себя по-свински,
говоря без дураков,
например, что П. Басинский —
лучший критик всех веков...

А еще веду по-скотски,
заявляя много лет,
что поэт Иосиф Бродский —
точно Игорь Меламед!

И о том, что вся картина
подравняется потом —
и Суглобову Ирину
от Цветаевой Марины
отличат с большим трудом.

...Ветер носит в чистом поле.
Что хочу, то и мелю.
А не все ли мне равно ли? —
все равно друзей люблю!

Для чего ж таким убогим
и неправильным, как я,
с неба сбрасывают строки,
не подумав... ничего?

...Будто лето, день слепящий,
по поляне — дети вскачь...
Я ловлю с небес летящий
надувной блестящий мяч...

*Литературный дебют**Ольга Глухарева*

Я кланяюсь тебе

Я кланяюсь тебе
За то, что ты молчал,
За то, что отпустил,
За то, что не держал.

Я кланяюсь тебе
За то, что ты терпел,
За то, что по ночам
Стихи писал и пел.

Я кланяюсь тебе
За то, что видел сны,
За то, что без меня
Прожил на свете ты.

Я кланяюсь тебе
За то, что век спустя,
Я верю наконец,
Что ты любил меня.

Запах корицы

Чашечка кофе.
Высокая крепкая пенка.
Запах корицы.
Украдкой, искоса взгляд.
Рука на столе,
дотянуться?

Поверить....
А пальцы...
Пальцы так мелко,
так глупо дрожат.

С разбегу в объяття ворвусь...

Я мчусь!
Я лечу!
Смеюсь!
Хохочу!
С разбегу
в объяття
ворвусь,
закричу!
От счастья
заплачу.
Замру
в нетерпении.
Запомни,
пожалуйста,
эти
мгновения!

Домик в два окошка

Маленькая печка —
рыжий огонек.
Чайничек, крылечко,
лошадь и щенок.

Лесенка под крышу,
крошечный чердак.
Домик в два окошка
не забыть никак.

Там шуршали мыши,
гулко топал еж,
и чердак так часто
заливало в дождь.

Все казалось ясным,
легким и простым.
Домик спал и видел
Золотые сны...

Там смеялись, песни
пели всей гурьбой.
Спорили порою,
громко, вразнобой.

До утра сидели,
и вино с водой,
в греческой манере,
там текло рекой...

Раскинув широкие крылья

Там,
высоко над землей,
раскинув широкие крылья,
плавно в потоках воздушных
птицы парят большие.
Медленно,
точно ими
кто-то невидимый движет,
скользят в плоскостях параллельных,
то выше они, то ниже...
Сходятся, разлетаются,
незримой послушные силе.
Кружат безостановочно
в небе пронзительно синем.

Глазок лукавый

С кулачок ребенка
в камне впадина.
И земли — неполная ладошка.
Незабудки озорной глазок, лукавый —
капля моря или неба крошка.

Год уходит

Крепко, за последние листочки,
держится береза,
год уходит...

Лето

В прозрачной воде
мальки врассыпную —
промахнулся щуренок...

Навстречу распускающейся сливе

Взрыв белой точки —
сливы распускается цветок.
тугие лепестки ослабли —
раскрылся кулачок.

Об авторах

Аферов Николай Валерьевич

Родился в 1964 году, в городе Юрьевце Ивановской области, живет в Москве. Печатался: «Литературная учеба», журнал «У», «Год поэзии. Израиль». Член союза писателей Москвы.

Сергей Долгов

*Я начал жить издалека,
Не очень понимая,
Так тоненько течет река,
В болоте начиная.*

Родился в Москве. Мне почти сразу повезло: через пару месяцев умер Сталин. А моего деда, Валентина Ивановича Долгова, родом из Валахии, расстреляли в тридцать восьмом как румынского шпиона.

У меня были чудесные учителя в школе №23, потом учился на филологическом факультете МГУ (русский язык и литература), где хороших преподавателей оказалось меньше, но нашел постепенно. Один из них, Николай Иванович Либан, сосватал меня в издательство «Советская энциклопедия», для которого я написал несколько

маленьких справочных статей о забытых русских писателях XIX — начала XX века. Это научило меня работать в книгохранилищах и архивах. Я учился на вечернем и работал в отделе писем редакции газеты «Известия» на должности картотетчика-учетчика. Каждое утро приходил мешок с письмами-жалобами, в понедельник — два. Но писать о проблемах было нельзя, главный редактор запретил публиковать даже фельетоны, при этом отдел фельетонов оставался. Получив диплом, я перевелся в типографию. Потом мне повезло пережить Брежнева, Андропова, Ельцина... «Но счастливое пение крыс как всегда над Россией звенит». Стихи начал писать, когда порядочные люди с этим завязывают — с тридцати. Пять лет назад занялся переводами стихов, когда-то пытался — не получалось. Выяснил, что существует удивительный американский поэт Эмили Дикинсон, которая у нас переведена, по большей части, отвратительно. Совместно с Юрием Скворским (Флорида), бескорыстно помогающим справиться со всеми сложностями ее поэтического языка времен Гражданской войны в Америке, заканчиваем работу над переводами свыше трехсот лучших ее стихотворений. Мечтаю выпустить книгу об уничтоженных шедеврах архитектуры Москвы. Цикл моих статей о них в девяностые годы опубликовала «Независимая газета». Но такая книга требует не столько статей,

сколько добротных иллюстраций, в основном архивных, что делает издание дорогостоящим.

Андрей Пустогафов

Родился в 1961 году во Львове на Западной Украине. После школы поступил в Московский физико-технический институт. После окончания, года до 93-го занимался лазерной физикой, кандидат технических наук. В студенческие годы и в первые годы после института нанимался рабочим в экспедиции, ездил на Полярный Урал, Курильские острова, в Кызыл-Кумы, путешествовал по советской Средней Азии.

Книги: «Диптих» (2001, совместно с В. Ешкелевым), «Азия» (2004, стихи и проза), «Город» (2007, стихи и переводы). В узких кругах широко известен как переводчик современной украинской литературы. Член союза «Мастера литературного перевода». Опубликованы переводы с английского и польского (Бруно Шульц) языков.

Ромм Михаил Наумович

Родился в 1961 году. Поэт, критик, переводчик, художник-график.

Окончил МГПИ им. Ленина по специальности «учитель черчения, рисования и труда».

Создатель и редактор нескольких рукописных журналов и литературной группы «Корабль».

В 1989-1994 гг. создатель и редактор газеты «Гуманитарный фонд», посвященной современному искусству и литературе. В те же годы — председатель правления одноименного благотворительного фонда, осуществлявшего поддержку современного искусства и русскоязычной литературы во всем мире.

Лауреат конкурса «Серебро слова» — 2009 г.

Публикации: журнал «Литературная Грузия», альманах «Индекс», газета «Гуманитарный фонд», журнал «У», «Год поэзии. Израиль», сборник «Взрослым не понять» (детская поэзия Израиля по-русски), антология «Русские стихи 1950-2000».

Выпустил две книги — «Заветное желание. Стихотворения разных лет» (Москва — Тель-Авив, Э.РА, 2004) и «Мастер снов. Стихотворения и поэма» (Москва — Тель-Авив, Э.РА, 2006).

Работал педагогом, художником оформителем, дизайнером. В настоящее время зам. главного редактора издательства Э.РА.

Шапапова Алла Всеволодовна

В конце 60-х студистка «Луча», литературного объединения МГУ (руководитель Игорь Волгин) и

студии «Магистраль» (руководитель Ефим Друц). Поэт, журналист, переводчик. Много лет работала по договорам с издательствами «Прогресс» и «Художественная литература», до вступления в Союз писателей была в бюро Профкома литераторов при Гослите. Переводила стихи в основном с английского и норвежского. Драма Ибсена «Пер Гюнт» в ее переводе выдержала несколько постановок в Москве и в провинции. Автор книги «Среди ветвей», ряд стихов из нее переведен на норвежский язык.

В последние годы принимает участие в мероприятиях, устраиваемых православной церковью, — конкурсы, выступления среди прихожан, служение при храме Святой Троицы в селе Подолец Владимирской области. Лауреат премии «Серебряная Псалтирь» в номинации «Поэзия».

Эвелина Ракитская

Родилась в Москве в 1960 году.

Закончила Литературный институт им. Горького в 1988 году.

Публиковалась в журналах «Октябрь», «Юность», «Слово-Word» (Нью-Йорк), «Кольцо А», «Смена», «Сельская молодежь», «Галилея» (Израиль), «Мосты» и «Литературный европеец» (Германия), «Вестник» (США), в

журнале «У», учрежденным издательским содружеством А. Богатых и Э. Ракитской, многих альманахах и коллективных сборниках, антологии «Московская муза», в различных местных русскоязычных изданиях разных городов и стран. Автор книги «Дожить до тридцати», 1991 (издатель Марина Шапиро, Москва), «С неба сбрасывают строки» (1997, Москва), «Чернобелый романс» (2006, Иерусалим).

Член Союзов писателей Москвы и Израиля. Международного Союза литераторов и журналистов АРІА (г. Лондон). В 1999 году вместе с мужем А. Богатых учредила Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской (Э.РА), работающее по настоящее время как российское и международное издательство и издавшее более 1000 книг авторов из разных стран, пишущих по-русски.

Ольга Глухарева

Год рождения — 1960. Образование — бывший Московский Педагогический институт им. Ленина, художественно-графический факультет. До этого — МЭИ им. Ленина, полупроводниковые приборы, английская спецшкола, художественная школа. Работала преподавателем английского языка, черчения, рисования. Художник, фотограф. Самая интересная работа —

серии живописи и графики для Музея Живой лошади, расположенного в городе Шантийи, Франция. Иллюстрировала книги-справочники по конной тематике. Участвовала в фотовыставках, есть публикации фотографий в журналах «Конный мир», «Золотой мустанг», «Юный натуралист». Ну и, как говорится, «работы хранятся в частных коллекциях в разных странах».

Люблю строить камин и печи 😊 и они работают 😊

Все очень обычно.

Авторы отвечают

Каждому автору было предложено в свободной форме ответить на следующие три вопроса:

- 1. Что, помимо простого желания опубликоваться, побудило Вас принять участие в этом сборнике?**
- 2. Чем, на Ваш взгляд, этот сборник отличается от других изданий подобного рода?**
- 3. Как Вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в русской литературе?**

Николай Аферов

1. Тиражировать собственные произведения — это как класть деньги «до востребования» на счета малоизвестных людей. И уже не твое, и все же — только твой личный вклад. Напечатал — забыл и пошел себе, насвистывая, пряча руки в пустые карманы, враз обнищавший и словом, и духом, но по-прежнему независимый и свободный от предрассудков собственности. Так надо. Книга тиражом сто и менее экземпляров — это предмет штучный. Ручная работа, я бы сказал. А хорошо изданная — еще и предмет искусства. Куда там газетам с их миллионами тиражей и рублей прибыли. Радауйтесь,

если вас не печатают в газетах, оставайтесь счастливыми, если вы и не пытались этого делать.

2. Лучше или хуже — это превосходная степень; вряд ли корректна и во благо корпоративному духу творчества. Вот хорошо или плохо — вопрос этический, уместен всегда и во всем. Хуже не будет, а лучше вполне может быть. Надо стараться, чтобы было.

3. Современное состояние русской литературы напоминает мне благосостояние некоторых европейских стран. Есть откровенно зажавшиеся, а среди прочих есть бунтари, спешащие на улицы бить витрины, неплохо посидевшие перед тем за чашечкой кофе в близлежащем уютном кафе. И лишь сообщение о преждевременных смертях особо выдающихся сотоварищей портит аппетит, возбуждая при этом приступы творчества. Их героические имена, безусловно завышая планку, не ставят, между тем, никаких нравственных ориентиров. Каждому свое. Единственное условие — оставаться честным перед собою и своими читателями. Задача не для малоталантливых.

Сергей Долгов

1. Скорее, не что «побудило», а кто разбудил — друзья: Андрей Пустогаров и Михаил Ромм. Не столько самим предложением что-то издать, а собственным участием — гарантия, что это не халтура.

2. Наша общая обложка — еще один реальный результат существования небольшого, но настоящего товарищества, которое издает себя и свой первый, младенческий, в этом смысле, крик.

3. С этого года в России присуждается и продолжается новая премия «Живая литература». Ее организаторы решили сразу и навсегда: никаких премий по окололитературным соображениям, никаких награждений себя. Закономерен вопрос: «А судьи кто?» Судьи — это прежде всего сами участники; те, кто прошел первый и, попав во второй тур, готовы выбрать наиболее достойного (одно досадно: за себя голосовать нельзя). А на первом и заключительном этапе — это еще и несколько человек оргкомитета. Половина «Последней среды» — те, кто придумал и чьими усилиями существует эта некоммерческая премия. Теперь их можно узнать в лицо. Я не о фотграфиях и биографиях, я об их стихах.

Андрей Пустогафов

1. Наверное, главная причина — создать для себя самого круг общения. Причем круг этот принципиально ориентирован на расширение. Не знаю, насколько эта среда действительно последняя, но вокруг царят довольно дикие взгляды на литературу. Приведу пример: на премию «Живая литература» были выдвинуты верлибры Владимира Кравченко — редкий случай чего-то стоящих русских верлибров. При встрече Кравченко сказал, что уже полгода не писал верлибров, и вообще решил с этим завязать, поскольку его влиятельные литературные знакомые объяснили ему, что он все пишет неправильно. (По всей видимости, они считают, что верлибр надо писать белым стихом). Поэтому и важно создавать и расширять среду, которая, по крайней мере, не пре-

пятствует появлению нового, живого, способного к развитию.

2. Мне кажется, тут уместно, что называется, апофатическое (отрицательное) определение: авторы (достаточно зрелые, по крайней мере, по возрасту) собрались не от того, что принадлежат к какой-то литературной группе, студии, ориентируются на какое-либо литературное направление, издание, издательство, жанр. Смею надеяться, что собрались они по взаимной симпатии и интересу друг к другу. Значит, такие явления, в принципе, возможны. Что вселяет большие надежды.

3. Похоже, современной русской литературой управляют чиновники — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отслеживает она и общемировую тенденцию — к бессодержательности, что последовательно возвращается всевозможными кураторами, фестивалями, премиями, «толстыми» журналами etc. Но всему этому, на мой взгляд, не стоит уделять большого внимания. Тем более «бороться». (Сам я как переводчик и эссеист без всякого внутреннего сопротивления публикуюсь иногда в тех же «толстых» журналах). Другое дело, что не надо подлаживаться под чьи-либо уставки. В общем, как я писал в юности:

*Надо просто возделывать сад.
И не ставить оград.*

Михаил Ромм

1. Этот сборник во многом — моя затея. Я полагаю, что вообще издание сборников из стихов не-

скольких поэтов более целесообразно, поскольку у каждого из авторов свой круг читателей. Моя тетья, например, с удовольствием почитает эту книгу, раз здесь есть мои стихи. И такие читатели, заинтересованные в одном из авторов особо, есть наверняка не только у меня. Однако в данном случае меня привлекает возможность оказаться в соседстве с людьми, чье творчество мне близко, людьми, которых я ценю и уважаю. Возможно, что в такой хорошей компании мои стихи будут восприняты немного лучше, так сказать, по инерции. Что до желания опубликоваться, так у меня его и вовсе нет, а есть желание — чтобы кто-то меня прочитал.

2. С одной стороны, ничем он не отличается, особенно если так формулировать вопрос. «Подобного рода?». От подобного рода, пожалуй, ничем. Проблема в том, что я не знаю изданий, подобных этому во всем. С другой стороны, для меня это сборник не только поэтов, близких мне по духу, но и поэтов чрезвычайно высокого, на мой взгляд, уровня. А в таких сборниках мне никогда еще участвовать не приходилось. Здесь собраны зрелые, определившиеся уже авторы, имеющие свое собственное лицо, и в то же время работающие в едином ценностном пространстве. Есть и еще одно важное отличие: особая, может быть, даже чрезмерная строгость, с которой отображены стихи. Это сделано, на мой взгляд, для того чтобы сохранить цельность восприятия книги как некоего существенного явления.

3. На оценку ситуации проливает некоторый свет моя статья, помещенная в этом сборнике. Статья эта, надеюсь, усилит ощущение близости вошедших в сборник авторов, заявит некую программу и, воз-

можно, будет принята кем-то за манифест. По сути, так оно и есть. Однако я не уверен, что участники сборника единогласно под ним подпишутся; хотя бы потому, что каждый из них в большой степени самодостаточен, и не любит ходить строем. А к тому, что сказано в статье, хочу добавить, что важно лично для меня в современной ситуации. Все мы разрозненны, несмотря на попытки найти нечто объединяющее, и все мы находимся в ситуации отчаянной. Собственно, одно это нас и объединяет, безусловно. Все пути к читателю перекрыты, интерес к поэзии в целом ослаблен, и все мы творим без надежды на успех и признание. Просто потому, что иначе не можем.

Алла Шафанова

1. Начну с того, что просто мне захотелось побыть, наконец, старшей в кругу, а то пятый десяток лет пишу, а все оказываюсь младшей в разных антологиях, потому что мои друзья были по большей части старше. И потом, два года я обретаюсь на стихотворном пространстве интернета, и что-то написалось за эти годы или приняло исправленный облик — и это надо отметить. А тут и круг оказался достойный, у каждого из этих людей свое место в литературе, достигнутое дарованием и опытом. Четверых из семи я знаю, хотя не близко. Эвелину Ракицкую и Николая Аферова знала раньше, а Андрей Пустогаров и Сережа Долгов — это люди, подаренные мне интернетом, но без которых уже не представима поэтическая жизнь.

Мне понравилось, что это, как в начале века, «анто-

логия семи», то есть не всем сестрам по серьгам в псевдоалфавитном порядке, а как читалось недавно в узком кругу, так и публикуется с горячего листа. Обычно, когда читают по кругу, возникает тема, которую подхватывают. И в этой книге много разных перекидных мостиков и сопряжений, иногда просто на уровне литературного озорства, а иногда это и нечто очень глубинное. Мы не чужие друг другу.

2. Я немного хочу сказать о моих соседях по «Последней среде». Николая Аферова я знаю давно, хотя встречаемся мы нечасто. Он человек верующий, и в храме нашего прихода есть замечательный образ Николая Чудотворца, подаренный Колей. Стихи у него звучные и лаконичные, при том, что обрело в них воплощение определенное качество его души — внимательность и благодарность.

Николай Аферов вводит в ту обстановку московского двора, где собрались такие вот семеро и читают по кругу. Про московские дворы и их дворецких-дворников много написано, но у Николая Аферова как-то уж очень по-доброму и проникновенно:

*Повсюду глубокие тропы,
И двор наш заснежено-тих.
И кажется: это — окопы,
И дворники заняли их...*

Или:

*То, чем нам любоваться, —
Им еще убирать...*

Сергей Долгов стал писать сравнительно недав-

но. В интернете его знают как благородного собирателя всего, что связано с гениальной американской поэтессой Эмили Дикинсон. Он сотни людей уже вовлек в переводы Дикинсон и разборы ее стихов. Мне нравится, что у него не усталый голос, а бодрость, дарованная сознанием, что невидимый мир стоит рядом и не оставит:

*И как бы ни был занят,
Забит земной эфир,
Он постоянно нанят
В потусторонний мир.*

Андрей Пустогаров — очень серьезный человек в литературе. Он много переводит с украинского и с английского. Пишет статьи. Одна из интереснейших современных интерпретаций «Гамлета» принадлежит ему. Пустогаров пишет властно, ему близки в равной мере акмеизм и имажизм-имажинизм в русской и английской ипостасях. Впечатляют его южные пейзажи:

*черным медом течет самаркандская ночь
и в глаза звезды жалят как осы*

Для него актуальна земная тяга в религиозном:

*но я гладко любил строгать доски
и дожил до тридцать третьего года*

*и пришел человек из пустыни
говорил кто ест сафанчу тот спасется
мне послышалось к Отцу иди сыне
я пошел и встретил женщину у колодца*

Эвелина Ракитская напротив — стремится уйти от живописи и вещности. Это такой и антиакмеизм, и антиимажизм. Она очень человекоцентрична, избыточность и природных реалий, и образов искусства мешает ей рассмотреть каждого человека в отдельности. Ее мир — зеркальные скалы и зеркальные воды, и там отражаются лица людей.

*Я не люблю эпитетов-клевещей:
всех яблок и камней, зимы и лета....*

Мои стихи писал не человек...

*Мои стихи писались без меня.
И потому в них нет обычной кожи.
Они на скалы голые похожи...*

Михаил Ромм много обращается к теме творчества. Его обобщения тем интересны, что можно по-разному их понимать. Вот завершающий аккорд его стихов, посвященных памяти Мандельштама:

*Каким бы нелепым и жалким ты ни был в конце,
Моля о пощаде того, кто не дарит прошенья,
Все это не важно — не помнят стихи о творце,
Свободен их голос, исполнено предназначенье.*

Тут вообще скрыта цитата — и не Мандельштама, а поэта, ему и близкого, и очень иного — Бенедикта Лифшица:

*Иль на весах у судии любого
 Вся участь Трои в Ледином яйце,
 Коль в этот стих облекшееся слово
 Уже не помнит о своем творце?*

Это ведь можно так понимать, что Ледино яйцо — некий высший замысел о нас, и наши творения ничего против него не могут, они по существу и не связаны с нами, и тут трагедия творчества.

Самая молодая в семерке — Ольга Глухарева, тяготеет к миниатюре, и на страницах серверов среди бесчисленных восточных миниатюр ее отличаются яркостью и подлинностью:

*В прозрачной воде
 малышки врассыпную.
 промахнулся щуренок...*

3. Для тех, кто начинал в 60-е или 80-е, двадцать первый век уже не свой, никому из нас не дойти до его середины, мы уже идем по нему, держась за руки истории и памяти. Но и льстит, и настораживает одновременно то, что наши младшие сыновья и дочери от нас никуда особенно не порываются, и если не ставить дат под стихами, то и не решишь, девяностолетний писал или девятнадцатилетний. Вот Александру Ревичу будет осенью девяносто, а стихами он ничуть не старше хозяев века. Ракитская упоминает в стихах Басинского... Вот Басинский писал, что середина прошлого тем была уникальна, что работали на одних страницах поэты четырех поколений. Теперь то же самое, но тогда эти поколенческие линии были раз-

личимы, а теперь возраст перестал иметь значение, и я это объясняю именно прикованностью к истории. А тревожит то, что из поэзии уходит ее пророческая составляющая. Последним крупным поэтом пророческого начала был Николай Рубцов, и тяга к нему современников для меня объясняется прежде всего этим. Конечно, пророчество может быть и во весь голос, как у Маяковского, и прикровенное, скажем, когда Мандельштам писал про «аравийское месиво-крошево» или фаэтонщика в Нагорном Карабахе — и как это аукнулось в дни его юбилейных торжеств. Мне кажется, что пророческая составляющая — это соль, без которой поэзия теряет силу.

Эвелина Ракитская

1. Я хочу поддержать клуб «Последняя среда», премию «Живая литература» и свое родное издательство Э.РА. Считаю клуб и премию чудом, которого я уже не ждала... Искренние и честные люди, мои друзья, сделали то и другое. Это подарок свыше! А желания публиковаться у меня нет. Скорее, есть желание, чтобы все мои стихи в интернете стерли с сайтов. Не потому что они плохие, а потому что просто надоели, что кто-то их читает и комментирует так, как им вздумается.

2. Отличается тем, что в нем собрались искренние и честные люди, мои друзья и друзья Миши Ромма, который и спустя двадцать с лишним лет после взлета «Гуманитарного фонда» и его падения — жив, здоров,

радостен и по-прежнему такой же энтузиаст литературы. И еще более я счастлива, что Коля и Миша работают в моем родном издательстве «Э.РА», Андрей и Сергей — активные организаторы премии «Живая литература», которую мы все вместе придумали, сидя в пельменной около Украинской библиотеки на ст.м. Рижская. А остальные участники сборника — замечательные и не случайные в литературе поэты. Это чудо и подарок свыше!

3. Как я оцениваю сегодняшнюю ситуацию в русской литературе?..

Русская литература как всегда прекрасна! Ее портит лишь то, что нужно все время заботиться о продаже книг авторов некоммерческой литературы. Продажу пора заменить на распространение. В чем разница? Разница в том, что распространение — это доведение книги до заинтересованного читателя любыми путями — в том числе и бесплатно, в том числе — и с привлечением средств автора для организации распространения. Нужно бороться с теми многочисленными «писателями» и «поэтами» в интернете, которые вводят людей в заблуждение, уверяя друг друга, что они публикуются в каких-то мифических издательствах за гонорары (так как считают, что это показатель качества их произведений). Этот обман тормозит литературный процесс... Давно бы уже пора понять, что никто ни поэзию, ни некоммерческую прозу за гонорары не публикует. Литература — это бескорыстный, нематериальный процесс. Книги про-

давать не нужно — их нужно дарить хорошим читателям прямо в руки, возможно — за символическую плату в 1 рубль — как котят. Есть коммерческие книги и коммерческие издательства, у них своя жизнь и свой способ книгораспространения. То, что авторы поэзии и некоммерческой прозы хотят подделываться под них, делают вид, что они распространяют книги за деньги, вводит читателей в заблуждение. Помню презентацию книги известного поэта и переводчика Лазаря Шерешевского. Он издал при советской власти 10 книг, а 11-ю издал после советской власти в нашем издательстве тиражом 100 экз. На своей презентации в малом зале ЦДЛ он по окончании выступления предложил гостям подойти к столу и взять книги. Никаких денег, а соответственно — ненужных сомнений у гостей презентации: купить ли книгу или пропить деньги в буфете? Это было достойно и красиво. Так же поступает и наш друг Андрей Пустогаров, и другие умные люди — и все должны брать с них пример.

Ольга Глухарева

1. Человек, умеющий словами растревожить душу, всегда был для меня сродни волшебнику. Потому что кисть и карандаш — мои обычные инструменты, а вот звук, слово — это магия. Стихи... Честно говоря, это для меня неожиданное открытие. В том плане, что стихи, оказывается, могут быть и моими. Нельзя сказать, что я пишу стихи, но откуда-то возникла потребность в этой магии. Может быть, от душевного одиночества. От

переполненного архива спрессованных эмоций. Участие в сборнике — возможность разархивировать их 😊

2. Думаю, тем, что нравится большинство стихов в этом сборнике 😊

3. Мусора много, сиюминутного, плавает по поверхности. И руки тянутся к старым книгам.

Михаил Ромм

О литературе живой и мертвой

Мертва ли литература? На первый взгляд, кажется, что это действительно так. Однако что мы называем «смертью литературы», о чем говорим? Очевидно, об утрате читательского интереса к так называемой литературе «высокой». Грех жаловаться на отсутствие интереса к остросюжетным книжкам, продаваемым на каждом шагу. Даже поэзия находит спрос в виде авторской песни или текстов рок-групп. Но мы высокомерно отвернемся от всего этого, это для нас «низко». Будем говорить о литературе «элитарной» — именно она кажется мертвой, то есть не интересной читателю.

Идеологи этой литературы, закрывшиеся в кокон собственной избранности, считают, что она слишком сложна для разумения простаков. В действительности, причина в том, что этой литературе не интересен живой человек. Вся она превратилась, по сути, в разнобразное кодирование пустоты.

Принято считать, что все издаваемое делится на две категории — «профессиональная литература» и «попса». На самом же деле деление это искусственно. Правильнее было бы делить литературу на живую и мертвую.

Внешней характерной приметой мертвой литературы является отсутствие в ней факта высказывания. Произведение может быть и длинным, и коротким, но оно не замкнуто, оно может быть прервано в любой момент. И начало, и конец его произвольны. Естественно, если НЕЧЕГО донести до читателя, то

все равно, в какой момент прекратить речь. Ни мировоззрение, ни переживания автора не имеют ничего общего с его произведением.

Хочет ли автор того или нет, это приводит к глубинному ощущению тоски и безнадежности. Ведь подобное творчество — апология Хаоса. У авторов наиболее талантливых, а такие, разумеется, есть, эта апология Хаоса настолько явная, настолько ярко охватывающее читателя отчаянье, что даже иногда кажется, что мы имеем дело с чем-то подлинным. Но нет, это искусственное, мертворожденное создание. Оно искусственно не только по форме, оно порождено искусственными мотивами.

Мотивы эти просты: для того чтобы текст увидел свет, неважно, что он собой представляет. Текст может быть каким угодно, но он должен выглядеть непонятным для обывателя. Этот текст должен быть по возможности, оригинальным и по возможности эпатажным, настолько, насколько вообще можно в наше циничное время кого бы то ни было эпатировать. Но главное все же не это, а то, в каких отношениях автор с потенциальным издателем. Потому что авторов много, а издателей мало. Потому что «элитарное искусство» должно быть дотационным, а дотаций все меньше.

Искусствоведы и критики для такого творчества настолько же необходимы, насколько искусственное дыхание для коматозника. Это они призваны объяснить и себе, и самим авторам и, главное, спонсорам (читатели ведь в расчет не берутся), что все это не бред, а элитарное искусство. Бесплезно ждать от таких критиков определения общих тенденций или направлений. Направление тут одно — морг. Ведь разные художественные течения определяют формы

передачи читателю сокровенного знания, открытий, переживаний автора, а поскольку от всего этого уже давно отказались представители «духовной элиты», бессмысленно говорить о стилях. Ведь искусство, которое не стремится ничего насущного передать, — это лишь бесконечное разливание в разнообразные сосуды одного и того же трупного яда. Все эти многочисленные фантомы «актуального» искусства — постмодернизм, концептуализм, метаметафоризм, — все это принаряженная в одежды заумных речей пустота.

Видимость жизни всему этому могло придать только давление цензуры. Оно, как электричество, заставляло дрыгаться отрезанную лягушачью лапку. Исчезли запреты, и вместе с ними вскоре угас пафос постмодернистского протеста. Да, эта литература мертва, но она не исчезла. Труп ее лежит рядом с нами, разлагается и не дает дышать, отравляя все живое.

А между тем настоящее искусство не умерло. Это не одно какое-то художественное направление, оно сочетает в себе и принимает в себя различные творческие методы и стили. Ошибочно, например, думать, что оно тяготеет к традиционализму. Противопоставление, которое часто делается, намеренно искажает факты. Адепты мертвого искусства вводят общественность в заблуждение, подчеркивая свое «новаторство» словом «актуальное». Небрежно отбрасывая таким образом как безнадежно устаревшее все, что не укладывается в прокрустово ложе «актуальности». В действительности же это их «новаторство», траченное молью, исчерпало себя в начале 20-х годов прошлого века. Рассуждая о новаторстве, о новизне в искусстве, они неизбежно попадают в тупик. Ведь под «новизной» у них понимается даже не разрушение старых эстети-

ческих традиций, не формальные изыски, ведь все это пройдено уже давным-давно, — под «актуальностью» они понимают отказ от самой функции искусства как формы духовной деятельности.

Но подлинная новизна творчества основывается на новизне и изменчивости материальной и духовной реальности. Новое для себя и читателя художник открывает, используя творчество как инструмент познания. Безусловным признается сам факт существования познаваемого мира и его ценность для человека. При этом любая фальшь, неискренность, конъюнктурность отбрасывает художника назад, к чему-то уже многократно использованному другими. В основе этой новизны лежит уникальность авторского опыта, авторских переживаний. Вот почему казалось бы даже неизменные ценности приобретают новое звучание. Новизна в живом искусстве является не целью, а следствием искренности автора. Только искренность позволяет установить с читателем, зрителем доверительные отношения, духовный контакт. Любые попытки манипуляции сознанием адресата искусства, попытка обмануть его приводят к потере этого контакта. И в этом случае можно констатировать смерть искусства.

Не следует понимать это так, что живое искусство замыкается в эмоциональной сфере. Предметом искусства может быть что угодно, не только человеческие мысли и чувства, устройство мироздания или построение вымышленных новых миров, — главное чтобы предмет этот был «актуальным» для художника, тогда и произведения его будут актуальны без кавычек — и во все времена.

Казалось бы, все это самоочевидно. Казалось бы, нет никакой необходимости в тысячный раз повторять

прописные истины. Казалось бы, подлинный творец не нуждается ни в каких оправданиях — искусство его говорит само за себя. Но, к сожалению, в настоящее время это не совсем так. И вот почему.

Мертвое искусство, о котором я писал выше, окулившись, изолировав себя от внешнего мира, не только погребло под собой все организационные структуры, необходимые для нормального художественного процесса, оно еще и развращает новых неоперившихся авторов. Чтобы получить доступ к адресатам своего таланта, художник вынужден приспособливаться к этой извращенной системе, притворяться своим, чтобы, в конце концов пойдя по пути мелких уступок и компромиссов, полностью в ней раствориться.

С другой стороны, потребители искусства, пытаются найти нечто отвечающее их чаяниям и интересам, раз за разом наталкиваются на то, что находится на поверхности, и вообще перестают воспринимать современное искусство всерьез.

Как раковая опухоль, мертвое искусство на теле живого высасывает из него жизненные соки, чтобы разрастаться и убивать. Тем увереннее оно себя чувствует, что жалкие крохи, выделяемые обществом на поддержку искусства, попадают к нему и его подпитывают. Ведь мертво само искусство, а не его представители, которые, с одной стороны хотят кушать, а с другой — не связаны никакими принципами и готовы служить любому хозяину. Коррупция, разъедающая общество, проникает и в сферу культуры. Тем более что мертвое предсказуемо и управляемо, а живое — нет.

Ромм Михаил Наумович

Уважаемые авторы!

Мы приглашаем Вас

- прийти на вечера клуба «Последняя среда»
Информация о вечерах здесь: <http://gufo.ru>
или по телефону в Москве 8-906-704-68-73
- выдвинуть стихотворения прозу или переводы поэзии на соискание премии «Живая литература»: <http://lname.ucoz.ru>
- принять участие в работе проекта «Литературное имя»: <http://gufo.ru/php>
- приобрести выпущенные нами книги в нашем интернет-магазине: <http://knizh.gufo.ru>
- Принять участие в дискуссиях на форуме авторов издательства Э.РА в ЖЖ: <http://litklubera.livejournal.com> и на форуме Премии «Живая литература»: <http://lname.ucoz.ru/forum>

Международное издательство Э.РА
предлагает услуги
по подготовке к печати,
изготовлению Вашей книги, ее рекламе
и продвижению.
<http://www.era-izdat.ru>
ответы на часто задаваемые вопросы:
<http://era.gufo.ru>

Литературно-художественное издание

«ПОСЛЕДНЯЯ СРЕДА»
Стихотворения и комментарии
Составитель **Андрей Пустогаров**

Свидетельство о государственной регистрации

ОГРН 309774627800931

Издатель Э. Б. Ракитская

Гарнитура «New Journal»

Формат 60 x 84/16

Объем 7 усл. п. л.

Тираж 200 экз.

Москва

2011

КОНТАКТЫ:

Сайт издательства: www.era-izdat.ru

Как издать книгу (ответы): www.era.gufo.ru

Книжный магазин: www.knizh.gufo.ru

Почта: era-izdat@mail.ru,

izdatera@mail.ru

тел. в Москве:

+7-906-704-68-73

В Израиле: +7-972-52-203-70-88